

Гребенник Г.П.
кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории и мировой политики
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

МИФ И АНТИМИФ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье автор анализирует подрыв советской идеологической мифологии на уровне сакрального. Эта работа осуществлялась путем рациональной деконструкции мифа, выявлением «правды истории», которая не согласуется с правдой мифа. Но на этом борцы с советской идеологией не останавливались, а создавали из того же материала свой собственный миф, вернее, антимиф, поскольку по всем своим параметрам и функциональным целям он работает так же, только с противоположным знаком.

Ключевые слова: идеология, миф, мифологическое сознание, антимиф, сакральные архетипы.

Каждое общество в каждый конкретный исторический период пронизано единством идеологического контента. И даже если вы находитесь в «контрах» с ним, все равно разделяете его как общую судьбу. Мы вышли из советской эпохи, а в ней безраздельно царила идеология под названием «марксизм-ленинизм». Не случайно советскую политическую систему называют идеократией. Дом, который был построен с крыши. Разрушение крыши сделало дом непригодным для жизни. Поэтому кризис советской (коммунистической) идеологической мифологии по своим последствиям был даже более страшным для системы, чем экономический кризис, поскольку лишил власть и общество («партию и народ») способности к мобилизации на «борьбу за социализм» (сохранение существовавшего строя). Это ясно видно при сравнении положения советской страны в конце 80-х с послевоенным периодом. После войны ситуация была значительно хуже, однако разруха была преодолена, атомное оружие создали и в космос первыми вышли. Причина стойкости системы и мужества народа крылась в уверенности в завтрашнем дне, которую давала «самая передовая в мире» идеология.

Под идеологией я понимаю систему тщательно отобранных социальных мифов, в которой представлены *интересы* больших социальных групп в *ценностном* плане [1, 17]. Разумеется, идеология не сводится к мифологии, есть в ней и научный пласт, но от этого мифологическая суть идеологии

не меняется. И вообще, достоинство идеологии определяется не научностью, а эффективностью воздействия на сознание людей путем формирования его автоматических реакций на манипуляции власти. Миф в этом плане не имеет себе конкурентов.

Вопреки манифестации научного материализма и атеизма, советская идеология строилась по религиозной кальке. В центре светились образы Бога-Отца Маркса и его верного Бога-Сына Ленина, а также гениального вождя Сталина, воплощающего Дух их Учения в жизнь. У подножия культа богов и вождей в коммунистической мифологии теснились герои-борцы, утверждавшие своей жизнью и, в еще большей степени, смертью, идеальные нормы коммунистической морали.

В этой связи посмотрим на феномен Ленина в Мавзолее. Главная святыня советской эпохи. Уничтожить эту святыню, зримый символ, мифическую субстанцию советской истории — вот чего хотят ее враги. Их стенания по поводу нехристианского отношения к незахороненному вождю, государственных затрат на содержание Мавзолея и тому подобные рациональные аргументы есть лицемерная уловка. На самом деле они борются на том же поле мифологического сознания, что и ярые сторонники сохранения Ленина в Мавзолее. И те, и другие одинаково понимают, что пока Ленин лежит в Мавзолее, советская эпоха со всеми ее признаками жива. Пока Ленин лежит на Красной площади, наши доморожденные капиталисты хорошо спят только в Лондоне, этом символическом центре буржуазного мира.

Каждая эпоха рождается в драматической борьбе и имеет свой героический, легендарный период, порождающий истинное мифотворчество. Этот период своим мощным импульсом пронизывает всю эпоху. Таким временем в истории советского государства и общества была Великая революция вместе с гражданской войной и социальным переломом. Хронологически оно датируется 1917-1933 годами. Мифологизация событий этого периода создала сакральный пласт коммунистической идеологии. Энергетика мифа — это темная энергия иррационального подхода

к жизни, но она может обладать весьма мощной социально-психической силой воодушевления. Ф.А. Степун писал: «Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была всего только революционная программа, а у большевиков — миф о революции...» [2, 371].

Сфера сакрального — это уровень, на котором расположена корневая система ценностей данного социума. То, что ценно, освящается; то, что является священным, становится ценным ресурсом власти. Доверие к советской власти как носителю социальной истины в значительной мере основывалось на ее сакральной ауре, созданной героическими смертями, подвигами во имя великой идеи социальной справедливости, святой верой голодных и оборванных людей в лучезарный, сказочный образ коммунистического будущего.

Советская система ценностей была выстроена путем наложения на традиционные ценности и стала очередной исторической формой их выражения. Традиция основана на сакральных архетипах. Слушайся своего сердца — оттуда исходит голос сакрального. Воспитание есть пробуждение и формирование в сфере сознания священных чувств. Возрождая архетипические образы в новом историческом и культурном пространстве, сакральное призвано одухотворить политику, сделать ее внутренним фактом сознания каждого гражданина, создать условия для образования воображаемых сообществ, для солидарности людей со «своим» государством.

Однако каждый миф имеет свой срок жизни. Воздействие мифа прекращается, его чары рассеиваются, как только социальная реальность, политическая практика перестают его оправдывать. Люди обнаруживают, что «король голый». При этом одни сильно возмущаются, винят в этом «безнравственную» действительность, а другие превращают миф в материал для анекдотов, сказок и прочих произведений искусства, иногда — для философских реминисценций.

Развал Советского Союза был бы невозможен, если бы система не лишилась своего защитного «озонового слоя» — сакральной идеолого-мифологической ауры. Власть потеряла не только инструмент управления (что важно), но и средство собственной легитимности (что еще важнее). Можно констатировать неизбежность этого процесса. Он долгое время протекал в эволюционной форме и носил латентный, подспудный характер. Со временем разрыв между коммунистической идеологией и советской реальностью породил скептицизм, убийственно не совместимый с верой в идеологические мифы. При этом эрозия советской мифологии осуществлялась как «сверху», так и «снизу» — на уровне обыденного,

массового сознания. Израильский писатель Израэль Шамир в книге «Каббала власти» пишет: «Антисталинская кампания была мощным идеологическим оружием в войне за дискурс, ибо образы Ленина и Сталина были для советского народа священными. Близорукий Хрущев думал, что ведет войну за наследие Сталина со сталинскими министрами, но вместо того он подорвал сакральную структуру советского коммунизма и нанес ему непоправимый ущерб» [3].

Но это еще не все. Н.С. Хрущев в своей простоте, которая, как известно, хуже воровства, опозлил и принизил идею коммунизма до уровня понимания его как потребительского рая. Чего только стоят его сентенции вроде: «Что такое коммунизм? Это блины с маслом и со сметаной...», «Марксизм не курица, в суп не положишь», «Коммунизм означает бесплатный проезд в городском транспорте» и т.п. «Материализация, овеществление» целей КПСС, материализация коммунизма — всё это была социосистемная бомба намного мощнее, чем антикультовый доклад Хрущёва, — считает Андрей Фурсов. — Это социальный аналог взорванной в предпоследний день XXII съезда 58-мегатонной бомбы (3 тыс. «хиросим») над Новой Землёй» [4].

Но ведь для зрелого советского общества культ личности Сталина был неприемлем. Люди из поколения «шестидесятников», будучи романтическими приверженцами коммунистического идеала, несли в себе другую систему ценностей, чем поколение «строителей социализма». XX съезд внес раскол и в советское общество, и в международное коммунистическое движение, а иначе быть не могло.

Решительную фронтальную атаку на уже порядком дискредитированную в массовом сознании коммунистическую мифологию в годы «перестройки» повела либеральная, антикоммунистическая интеллигенция, сплотившаяся вокруг Горбачева, а затем и Ельцина. Деконструкция мифологии осуществлялась путем предания гласности «исторической правды», то есть несоответствия мифа реальным историческим фактам. Дескать, власть утверждала свое право на ложь, а народ имеет право на правду. Мол, правда *всегда* лучше лжи. Это абсолютно мифологическое утверждение, поскольку в жизни бывает очень сложно отделить одно от другого. И, во-вторых, правда мифа может быть сильнее, убедительнее правды отдельного факта.

На самом деле интеллигентская «борьба за правду» была процессом замены мифа на антимиф, который должен был легитимизировать политическую борьбу против советского строя, властной прослойки коммунистов-оборотней,

партийно-государственной бюрократии. Змея выползала из своей старой шкуры. Проиллюстрируем этот процесс замены мифа на антимиф на одном конкретном примере. Возьмем классический советский миф о Павлике Морозове, который носил титул «Герой-пионер Советского Союза №1».

Реальность такова. Отец Павлика, Трофим Сергеевич Морозов, был красный партизан в годы гражданской войны, после стал председателем сельсовета сибирского села Герасимовка. Он бросил свою жену с четырьмя сыновьями и открыто зажил второй семьёй с другой женщиной. Для его законной жены, крестьянки 30-х годов, это было очень тяжелое оскорбление. По воспоминаниям учительницы Павлика, его отец бил по-черному и избивал жену и детей как до, так и после ухода из семьи. Разумеется, полуграмотный мальчик 12 лет никаких доносов на отца не писал, а писала их мать Павлика от его имени. В 1931 г. отец, уже не являвшийся председателем сельсовета, был арестован, отдан под суд и осуждён на 10 лет. Конкретно ему вменялась выдача поддельных справок раскулаченным об их принадлежности к Герасимовскому сельсовету, что давало им возможность покинуть место ссылки. При этом единственная справка, фигурировавшая в качестве вещественного доказательства, была изготовлена в сельсовете уже после ухода Морозова с поста председателя сельсовета. На суде Татьяна Морозова дала показания против мужа. Сын, защищая мать, ее поддержал. Понятно, что существенного значения для суда показания ребенка не имели. Отца осудили и отправили на строительство Беломорканала. А через несколько недель родной дед и старший двоюродный брат (по отцу) подстерегли в лесу Павлика и его младшего брата 9 лет и обоих зарезали. Это произошло 3 сентября 1932 г. Поскольку убили обоих детей, очевидно, что родственники отца мстили их матери.

Рождение мифа. Это убийство пришлось весьма кстати, так как советская власть искала повод для разжигания антикулацкой кампании. Был дан старт процессу мифотворения. Советская печать назвала мальчика «мучеником идеи». Павлик Морозов стал символом коммунистической классовой морали. Сперва образ Павлика был использован по случаю для политической кампании против кулаков. Однако через два года его образ юного борца за новый мир был повышен в мифологическом статусе до универсальной модели для подражания, о чем заявил Горький на Первом съезде советских писателей в 1934 г. Началась раскрутка: Эйзенштейн снял фильм; созданы сотни произведений в разных жанрах — от поэм до оперы. Его портреты помещались на открытках, почтовых марках, спичечных коробках. В Москве

ему был поставлен памятник на Красной Пресне. В разных городах России и по сей день стоят его бронзовые, гранитные, а чаще бетонные статуи. Кое-где и до настоящего времени остались школы и библиотеки, носящие его имя.

Создание антимифа. В 90-е годы стараниями демократической интеллигенции «герой-пионер №1» превратился в «доносчика №1», символ предательства, русский аналог Иуды, продавший своего отца за тридцать сребренников. Деятельное участие в создании антимифа принял писатель, ставший профессором Калифорнийского университета Юрий Дружников (настоящее имя — Юрий Альперович), автор книги «Доносчик 001». Наткнувшись на противоречия и умолчания, он занялся разоблачением героического образа Павлика Морозова, иначе говоря — деконструкцией советского мифа. Его расследования показали, что Павлик Морозов донес на отца вовсе не ради партии и социализма. Кулаков в Герасимовке, с которыми якобы боролся Павлик, не было. Колхоза, который Павлик якобы защищал от врагов, не существовало. Также не существовало и пионерского отряда. Следовательно, никаким пионером Павлик тоже не был. В организации убийства Павлика и его брата Дружников обвинил двоих местных чекистов, которым якобы было поручено организовать «террор кулаков». Правда, с оговоркой, что он вел литературное расследование и доказательств для суда у него нет. За кровавое убийство Павлика и его брата арестовали свыше десяти крестьян — как писали газеты, «кулацкую банду» [5]. Между прочим, Дружников-Альперович похвалялся, что он — единственный в мире «коллекционер Павликов Морозовых». Он собрал сведения о пятидесяти юных героях, убитых за доносы, но в живых остались тысячи, поступившие в своих обстоятельствах аналогично Павлику Морозову. Иначе говоря, это было явление.

В 2005 г. профессор Оксфордского университета Катриона Келли издала книгу «Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero» («Товарищ Павлик: взлёт и падение советского мальчика-героя»). Д-р Келли утверждала в последовавшей полемике, что «хотя есть следы замалчивания и сокрытия второстепенных фактов работниками ОГПУ, нет никаких оснований полагать, что само убийство было спровоцировано ими» [6].

В результате созданного антимифа монумент на Красной Пресне в августе 1991 г. убрали. Весной 1999 года члены Курганского общества «Мемориал» направили в Генеральную прокуратуру ходатайство о пересмотре решения Уральского областного суда, приговорившего родственников Павлика Морозова к расстрелу. Однако Генеральная прокуратура, занимающаяся реабилитацией

жертв политических репрессий, пришла к выводу, что убийство Павлика Морозова носит чисто уголовный характер и убийцы не подлежат реабилитации по политическим основаниям. Это заключение вместе с материалами дополнительной проверки дела № 374 было направлено в Верховный суд России, который принял решение об отказе в реабилитации предполагаемым убийцам Павлика Морозова и его брата Фёдора [6].

Вся эта история с заменой мифа на антимиф о Павлике Морозове свидетельствует о непривлекательной по методам и цинизму политической технологии, в основе которой лежит техника создания мифа. Получается, либералы переписали миф тем же мифическим способом (только с противоположным знаком) и для тех же, в сущности, политических целей, что и советский агитпроп. Спрашивается, почему бы просто не ограничиться разоблачением сталинской пропаганды, сделавшей пионера-героя из жертвы изуверов? Так нет же, Павлика перелицевали именно в образцового советского пионера-предателя! И это целая тенденция новейшего времени: если нельзя опровергнуть, так хоть поставить под сомнение, плюнуть в сторону советских святынь. К примеру, в «демократической печати» Украины была поднята возня вокруг легендарной «Молодой Гвардии». Сравнительно недавно в информационное пространство была запущена дикая версия, что «Молодая гвардия» была создана не комсомольцами, а... украинскими националистами из ОУН-УПА! [7].

Родной брат Павлика, Алексей Морозов, писал в письме: «Что за судилище устроили над моим братом? Обидно и страшно. Брата моего в журнале назвали доносчиком. Ложь это! Павел всегда боролся в открытую. Почему же его оскорбляют? Мало наша семья горя перенесла? Над кем издеваются? Двоих моих братьев убили. Третий, Роман, пришел с фронта инвалидом, умер молодым. Меня во время войны оклеветали как врага народа. Десять лет отсидел в лагере. А потом реабилитировали. А теперь клевета на Павлика. Как все это выдержать? Обрекли меня на пытку похуже, чем в лагерях. Хорошо, что мать не дождала до этих дней... Пишу, а слезы душат. Так и кажется, что Пашка опять стоит беззащитным на дороге» [6]. К слову, Алексей рассказал, что Дружников-Альперович втёрся в семью, чай с его мамой распивал, словесно сочувствовал ей, а потом издал в Лондоне книжку, прочитав которую Алексей Морозов получил второй инфаркт.

Председатель Мариупольского отделения международного историко-просветительского правозащитного общества «Мемориал» Галина Захарова опубликовала статью в газете

«Приазовский рабочий», что возглавляемое ею отделению единогласно выступает за переименование детской библиотеки имени Павлика Морозова. Аргументы. В селе было много ссыльных кулаков из Украины, которых ГПУ тысячами ссылало по указанию Сталина на верную гибель. Известно, что Сталин ненавидел свободных людей, а именно таковыми и были кулаки [8].

То, что ссыльные кулаки из Украины были поголовно свободными людьми, это Захаровой видней, а вот то, что она нисколько не сочувствует смерти зарезанных детей (напомню, был зверски убит и младший брат Павлика девятилетний Федя, который доносов не подписывал), это хорошо видно нам. И это уже работа антимифа, который блокировал моральное чувство этой женщины.

Я бы назвал создание антимифа про Павлика Морозова «спекоперацией» или «идеологической диверсией», если бы не понимал, какая каша варится в сознании нашей западнической интеллигенции. Будучи тоталитарным продуктом тоталитарной государственной истории, она борется со своим могучим визави всеми доступными ей методами, полагая, что это оправдано и что в результате «свобода нас встретит радостно у входа». Не встретит, хотя бы потому, что они перепутали вход с выходом. А на выходе — властолюбивый Ельцин на танке, а из-за его спины выглядывает поколение мальчишей-плохишей, страстно мечтающих отведать буржуинского варения. Они предали и хотят всех втянуть в свое предательство как в «единственно правильное решение». Наивный, неграмотный мальчик Паша Морозов им в подметки не годится.

Рассказанная здесь история с перелицовкой мифа в антимиф является еще одной иллюстрацией на тему о макиавеллистской природе политики. Газета «Лос-Анджелес» закончила свою статью о Павлике Морозове, по-моему, правильно: «Павлик Морозов и его семья заточены в своеобразной тюрьме, уготованной им историей. Они — не герои и не злодеи. Они — одновременно демоны и святыне» [9].

Конец прошлого века с убедительной наглядностью продемонстрировал, что в современном мире театром действий в борьбе за территорию, ресурсы, коммуникации становятся традиционные ценности народов, их религия, культурные коды, нормы морали, архетипы поведения. Если удастся мировоззренческий слом, подрыв сакральной мифологии, составляющей ядро ценностных ориентаций населения, то это равносильно победе над вооруженной армией противника. Большая умница С.С. Аверинцев (1937 — 2004) обратил внимание на тенденцию сознательного подрыва солидарности поколений и на угрозу, которая исходит

от нового — либерального тоталитаризма. «...никто не обещал нам, — пишет С.С. Аверинцев, — что тоталитаризм не вернется, а если он всё-таки вернется, он заведомо придет в совсем иных формах, под другими лозунгами. Человеческий материал, который ему нужен, — это люди, готовые бодро подхватывать и хором повторять готовые слова; какие это слова — не так важно, они могут быть взяты из безупречно либерального набора» [10].

С подачи либералов образ «предателя» Павлика Морозова стал сегодня расхожим понятием. Это — их успех. Однако, почему общественное мнение так легко поверило в либеральный антимиф о «пионере-предателе»? Да, конечно, пропагандистским аппаратом А.Н. Яковлева было создано общественное настроение, с готовностью воспринимавшее всякий негатив о компартийном режиме. Введенное в своеобразное наркотическое состояние общество алкало очередной дозы «исторической правды». Люди спозаранку бежали к газетным киоскам за номерами «Огонька», «Московской правды», «Московского комсомольца». И все же за всей этой «борьбой декораций» стоит одна подлинная реальность, которую с успехом использовали либеральные мифологи. Речь идет о первичном слое морального сознания, естественной народной нравственности, которая гласит: отца предавать нельзя. Предательство отца — страшное преступление, кармический грех, требующий искупления при жизни или после смерти, то есть за неблагодарного сына ответят его дети и, если расчет не будет произведен, — то и внуки.

«Ничто не ново под луной». Великий китайский мудрец Конфуций предлагал преодолеть постигший китайское государство его времени глубокий кризис путем восстановления правильных взаимоотношений между отцами и сыновьями на основе *сяо* — «сыновней почтительности». Конфуций выдвинул принцип: «Отец должен быть отцом, а сын сыном». А если бы общество знало, как знал это Дружников-Альперович, что Трофим Морозов перестал быть отцом, превратившись в алкоголика и насильника, а Павлик остался сыном, сыном своей матери, вставшим на ее защиту, то оно также однозначно осудило бы его поступок?

Кризис режима — это всегда кризис власти, а кризис власти имеет под собой кризис взаимоотношений между отцами и детьми. И.С. Тургенев гениально уловил первые подземные глухие толчки в старой петербургской России, изобразив холодного нигилиста Базарова в романе «Отцы и дети». В пьесах М. Горького «Мещане» и С. Найденова «Дети Ванюшина» разрабатывается тема непримиримого конфликта отцов и детей. Старый порядок был разрушен еще до того, как прогремел выстрел «Авроры». Н.А. Бердяев

подметил, что революционер по своему психотипу — это «блудный сын», порвавший со своим отцом.

В годы «перестройки» и первых постсоветских десятилетий в третий раз за последние сто лет была организована ситуация, в которой дети неестественным образом были противопоставлены отцам и предъявляют им свой ювенальный счет. Те, кто окормлял идеологическую сферу последние два десятилетия, твердили с надеждой: «Вот вырастет поколение, свободное от «совка», воспитанное на демократических ценностях». Не заметили, как выросло. И что же? Это поколение можно двигать в любую сторону, легко делать из него фашистов, националистов, сторонников мирового халифата, сектантов любого толка. Лишенные уважения к своим отцам и дедам, они сформировались «блудными сыновьями», ибо многие из них мечтают уехать за границу, там осесть, учиться, делать карьеру, потому что там лучше. Никакой ответственности за родину им не привили. Да и не было такой задачи. Вместо этого им усиленно с подачи Сороса преподносили «открытое общество» в качестве универсальной модели мира. При желании можно и целый народ превратить в блудного сына, оторвав его от своих культурных и цивилизационных корней.

Можно ли сегодня изменить положение в существующей системе воспитания и вернуться к традиционным ценностям? Нет. Развитие современной цивилизации, глобализация и прочие сопутствующие им процессы сделали невозможным такой возврат. Однако ситуация небезнадежна именно благодаря работе глубинного, архетипического слоя народной нравственности: отцов предавать нельзя!

Десакрализация приводит к ситуации «выжженной зоны». Там, где удалось дискредитировать, обесценить, например, патриотизм как гражданское чувство и нравственную норму в связи с советской мифологией, новый патриотизм уже не появится. Иначе говоря, на месте антими́фа миф заново не возникнет.

Общество без скрепляющих убеждений, без согласия относительно базовых ценностей, без сакральной структуры — это песок. Основанное на нем политическое образование — называйте его хоть государством, хоть супердержавой — это замок на песке. В этом плане вызывает пессимизм попытка создать эти убеждения из европейских либеральных ценностей, ибо в этом случае она должна будет сопровождаться забвением огромных пластов отечественной культуры, без которых историческое сознание в нашей стране просто невозможно.

Литература:

1. Гребенник Г.П. Миф и политика: Сб. статей и выступлений. / Гребенник Г.П. — Одесса: Фенікс, 2011. — 208 с.
2. Степун Ф.А. Мысли о России / Степун Ф.А. // Сочинения / Степун Ф.А.— М.: РОССПЭН, 2000. — С. 201-425.
3. Шамир И. Каббала власти [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sheba.spb.ru/lit/biss/shamir.htm>
4. Фурсов А. Людоеды [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6293&Itemid=35
5. Щуплов А. Житие святого Павлика: интервью с Ю.И. Дружниковым / Щуплов А. // Российская газета, 18 ноября 2004 г.
6. Бегунок А. Пионер № 1, или вся правда про Павлика Морозова [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://begunok74.livejournal.com/147123.html>
7. 70 лет подвигу молодогвардейцев [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://nmm.me/blogs/igorki/70-let-podvigu-molodogvardeycev/>
8. Захарова Г. Правда и вымысел о Павлике Морозове [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pr.ua/news.php?new=20076>
9. Бессмертная легенда о Павлике Морозове [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/untitled/20021115/164157.html>
10. Аверинцев С. Солидарность поколений как фактор гражданской свободы [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/solid.php.

Гребенник Г.П. Міф і антиміф в сакральному просторі ідеології. — Стаття.

Анотація. У статті автор аналізує підрив радянської ідеологічної міфології на рівні сакрально-го. Ця робота здійснювалася шляхом раціональної деконструкції міфу, виявленням «правди історії», яка не узгоджується з правдою міфу. Але на цьому борці з радянською ідеологією не зупинялися, а створювали з того ж матеріалу власний міф, вірніше, антиміф, оскільки по всіх своїх параметрах і функціональних цілях він працює так само, тільки з протилежним знаком.

Ключові слова: ідеологія, міф, міфологічна свідомість, антиміф, сакральні архетипи.

Grebennik G.P. Myth and antimyth in sacral space of ideology. — Article.

Summary. In the article the author is analysing undermining of the Soviet ideological mythology on the sacral level. This investigation has been conducted by the method of rational deconstruction of the myth as well as by revelation of the «historical truth», which is not corresponded to the truth of myth. But the fighters with the Soviet ideology did not stop at this stage, using just the same material they created their own myth, precisely antimyth, because according to all its parameters and functional aims it works equally but with the opposite mark.

Keywords: ideology, myth, mythological consciousness, antimyth, sakralnie arhetipi.